

ІСТОРІЯ ЛІТЕРАТУРИ

Рубан А.

– кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Донбасского государственного педагогического университета

УДК 821.161.1-31.09"18"

МОТИВ КРУГА В СТРУКТУРЕ РОМАНА Л. Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»

В статье предложен анализ романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» с точки зрения двуплановости его структуры. Рассматривается один из структурных мотивов – мотив круга. Он представлен как система сужающихся кругов, их состав и функционирование образует второй план структуры романа.

Ключевые слова: роман, структура текста, мотив, образ-символ, традиция, новаторство.

Рубан А.

– кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської мови та літератури Донбаського державного педагогічного університету

МОТИВ КОЛА В СТРУКТУРІ РОМАНУ Л. М. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»

У статті запропоновано аналіз роману Л. М. Толстого «Анна Кареніна» з точки зору двопланної його структури. Розглядається один із структурних мотивів – мотив кола. Він представлений як система кіл, що звужуються, їхній склад та функціонування створюють другий план структури роману.

Ключові слова: роман, структура тексту, мотив, образ-символ, традиція, новаторство.

Ruban A.

– Candidate of Science (Linguistics), Associate Professor, Russian Language and Literature Department, Donbas State Teachers' Training University

THE MOTIF OF CIRCLE IN THE NOVEL BY I. N. TOLSTOY «ANNA KARENINA»

The article presents an analysis of L. N. Tolstoy's novel «Anna Karenina» in terms of the duality of its structure. It considers one of the structural motifs – the motif of circle. It is presented as a system of narrowing circles, their composition and functioning forms the background of the novel structure.

Key words: the novel, the structure of the text, motif, symbolic character, tradition, innovation.

Постановка проблеми. Роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина» – одно из вершинных явлений русской реалистической психологической прозы с удивительно стройной и цельной

художественной структурой. Однако уже в этом произведении писателя начинают появляться элементы, свидетельствующие о сложной его соотнесенности с реалистическим романом. Отличительным признаком «Анны Карениной» становится двуплановость ее художественного мира, поскольку «план содержания» в романе создается соотнесением изображаемого с многозначными (символическими) образами. Таким образом создается второй план поэтики.

Анализ последних публикаций. До последнего времени роман «Анна Каренина» изучался в традиционном русле. На двуплановость его структуры обратили внимание В. Е. Ветловская [2], Г. Я. Галаган [3], Р. Н. Поддубная [5]. Исследователи выделяют символические мотивы в тексте Л. Н. Толстого и показывают функционирование этих мотивов как системы, по сути, как символической структуры. Рассмотрены в этом ключе и отдельные мотивы – мотив железной дороги [4], смерти [1]. Мотив круга среди структурных мотивов романа пока не стал объектом пристального внимания ученых.

Цель статьи – исследовать мотив круга в структуре романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина».

Изложение основного материала. Сюжетно-композиционная структура «Анны Карениной» и творческий метод Л. Н. Толстого в силу их своеобразия не были поняты современниками и во многом остались не проясненными для последующих поколений исследователей. Однако положение вещей изменяется в последние десятилетия прошлого века. О двуплановости структуры романа шла речь в работах В. Е. Ветловской [2] и Г. Я. Галаган [3]. Как бы по-разному не определяли они состав символических мотивов в толстовском романе, но одинаково показали функционирование этих мотивов как системы, по сути, как символической системы. Идея В. Е. Ветловской о сужающихся кругах в сюжете Анны представляется более отвечающей и поэтике романа, и творческому видению его автором.

Продолжает этот аспект анализа произведения Р. Н. Поддубная [5]. Опираясь на высказывания самого писателя о своем произведении в переписке с Н. Н. Стаховым, исследовательница говорит о системе «кругов» в структуре «Анны Карениной». «Фигура "круга" здесь (в романе – *А. Р.*) – знак внутренней целостности и гармонической уравновешенности жанра, первого у художника в столь строгом смысле и "очень взявшего его за душу". Это объясняет появление символических кругов в сюжете заглавной героини романа, но не исчерпывает их значения, явно выходящего за пределы психологии творчества» [5, с. 27]. Система

сужающихся кругов, состав и функционирование которых, по мнению Р. Н. Поддубной, представляется несколько иным, нежели в работе В. Е. Ветловской, «образует второй план структуры романа» [5, с. 27].

Так, выделено несколько кругов. Самый широкий круг, окольцовывающий сюжет героини, кольцевая композиция, создается реализацией в финале произведения «дурного предзнаменования», гибель сторожа под колесами паровоза: «И вдруг, вспомнив о раздавленном человеке в день ее первой встречи с Вронским, она поняла, что ей надо делать. Быстрым, легким шагом спустившись по ступенькам, которые шли от водокачки к рельсам, она остановилась подле вплоть мимо ее проходящего поезда. ... «Туда!» – говорила она, глядя в тень вагона...» [7, с. 330]. Внутри этого трагически-безысходного круга, неразрывно связавшего железную дорогу и смерть, все порывы героини к любви, счастью и жизни обречены быть не прорывами замкнутости, а кружением, бесовской метелью, как в ночной встрече с Вронским на станции железной дороги.

Есть круг – «служебный, официальный круг ее мужа», – от которого Анна избавилась. Вне круга своего общения и положения оказывается героиня после разрыва с мужем и т. п.

По возвращении в Петербург Анна избавилась от двух кругов, с которыми прежде была связана ее жизнь, – от «служебного, официального круга ее мужа, состоявшего из его сослуживцев и подчиненных, самым разнообразным и прихотливым образом связанных и разъединенных в общественных условиях» [6, с. 129] и от более близкого ей кружка, «через который Алексей Александрович сделал свою карьеру» [6, с. 130]. Но избавление от этих не затрагивающих ни ума, ни сердца кругов означало не освобождение от лжи и фальши, а добровольное заточение в третьем круге – «собственно свете», а именно круге-мире, где она виделась с Вронским. Первые два круга связаны в романе с *мотивом темноты*.

Мотив темноты вводится в анализируемый текст в самом его начале: «Она (Анна – А. Р.) ... огляделась в *полусвете* спального вагона» (здесь и далее курсив наш – А. Р.) [6, с. 102]. Мрак вторгается в сознание Анны в виде ночной метели. Однако отзвуки «страшной метели» сливаются с мешавшими героине звуковыми и зрительными образами «мира» вагона и усиливают ее ощущение статики этого мира, неподвижного в своем однообразии: «Далее все было то же и то же; та же тряска с постукиванием, тот же снег в окно, те же быстрые переходы от парового жара к холоду и опять к

жару, то же мелькание тех же лиц в полумраке и те же голоса...» [6, с. 103].

Чтение английского романа (и впечатление от этого чтения) ставится практически в один логический ряд с неподвижностью прочих однообразных повторений в мире людей: «... мелькание тех же лиц в полумраке и те же голоса, и Анна стала читать и понимать читаемое, ... но ей неприятно было читать, то есть следить за отражением жизни других людей. Ей слишком самой хотелось жить. ... Но делать нечего было, и она ... усиливалась читать» [6, с. 103].

Этот же мотив оживает и в первом описании крушения «привычной» колеи жизни героини: «Слава богу, завтра увижу Сережу и Алексея Александровича, и пойдет моя жизнь, хорошая и привычная, по-старому» [6, с. 102]. Вступает в действие *мотив двоеения*: «Она чувствовала, ... что в груди что-то давит дыханье и что все образы и звуки в этом колеблющемся *полумраке* с необычайной яркостью поражают ее. На нее беспрестанно находили минуты сомнения, вперед ли едет вагон, или назад, или вовсе стоит ... опять все смешалось... Мужик ... с длиною талией принялся грызть что-то в стене, старушка стала протягивать ноги во всю длину вагона и наполнила его *черным облаком*...» [6, с. 104].

Постепенному усилению интенсивности темноты при описании «мира» вагона противостоит «бурный мрак», освещенный станционными фонарями. Однако мотив темноты, связанный с миром людей, присутствует и здесь: согнутая тень человека, мелькнувшая под ногами Анны, тень, которой связываются неожиданные звуки «молотка по железу» [6, с. 105], и – тень, в которой оказался Вронский, заслонивший ей свет от фонаря.

Этот «теневой аспект», символически утверждающий неизбежность драматических, порою трагических коллизий в движении личности к новому жизнепониманию, словно оговаривается и самим миром природы, динамика движения которого закрепляет начавшийся процесс крушения привычной статики внутреннего мира героини. Анна предвосхищает свой новый круг – этот круг очерчивает Вронский в своем объяснении на перроне: «... я еду для того, чтобы быть там, где вы, я не могу иначе» [6, с. 106].

Символическим выражением подлинной сущности света и одновременно очередным сужением бытия Анны является вытянутый круг ипподрома, где происходят скачки. Предвестием трагического конца героини здесь служит не только гибель лошади Фру-Фру. Прокомментированные В. Е. Ветловской символические значения круга-ипподрома определяют, с одной стороны, выпадение честной и искренней Анны за пределы светского круга:

«... когда Вронский упал и Анна громко ахнула, в этом не было ничего необыкновенного. Но вслед за тем в лице Анны произошла перемена, которая была уже положительно неприлична. Она совершенно потерялась. Она стала биться, как пойманная птица...» [6, с. 215]. И, как следствие, сужение ее жизненного и духовного пространства: «Боже мой, как *светло!* Это страшно, но я люблю видеть его лицо и люблю этот *фантастический свет...* Муж! ах, да... Ну, и слава богу, что с ним все кончено» [6, с. 218]. С другой стороны, невольное втягивание в «скачку жизни» и погоню за наслаждением приводит Анну в финале к горьким разочарованиям: «Мы с графом Вронским также не нашли этого удовольствия, хотя и много ожидали от него» [7, с. 324].

Разрыв с мужем и открытая связь с Вронским поставили очень светскую по способу жизни Анну вне светского круга, ограничили ее существование помещьем Вронского. Однако «оба (Анна и Вронский – А. Р.) чувствовали, чем долее они жили одни, в особенности осенью и без гостей, что они не выдержат этой жизни и что придется изменить ее» [7, с. 208]. Попытки героини прорвать лицемерную изоляцию (поездка к сыну, визит в театр) оканчивались каждый раз болезненным для нее оскорблением-скандалом: «Вронский не понял того, что именно произошло между Картасовыми и Анной, но он понял, что произошло что-то унижительное для Анны. Он понял это и по тому, что видел, и более всего по лицу Анны, которая, он знал, собрала свои последние силы, чтобы выдерживать взятую на себя роль. Кто не знал ее и ее круга, не слышал всех выражений соболезнования, негодования и удивления женщин, что она позволила себе показаться в свете и показаться так заметно в своем кружевном уборе и со своею красотой, те любовались спокойствием и красотой этой женщины и не подозревали, что она испытывала чувства человека, выставляемого у позорного столба» [7, с. 114].

Сжимание жизненного пространства сопровождается сосредоточением всей душевной энергии на любви и любимом, на невольном ожидании от него той огромности чувства, которая компенсировала бы ее жертвы и утраты или, по крайней мере, была равновелика им: «Он хочет доказать мне, что его любовь ко мне не должна мешать его свободе. Но мне не нужны доказательства, мне нужна любовь. Он бы должен был понять всю тяжесть этой жизни моей здесь, в Москве. Разве я живу? Я не живу, а ожидаю развязки, которая все оттягивается и оттягивается» [7, с. 267]. Так начинается «поединок роковой» или расхождение героев «жизнью». Его результатом становится сужение существования Анны до одной трагической точки – жажды мщения Вронскому своей смертью.

Итак, смерть Анны – это определенный выход, «путь с прорывами в духовную вертикаль» [5, с. 28]. Сопоставление с ужасающими кругами в сюжете Анны убедительно доказывает, что «выход слабости» – «он состоит в том, чтобы, понимая зло и бессмысленность жизни, продолжать тянуть ее, зная вперед, что ничего из нее выйти не может. Люди этого разбора знают, что смерть лучше жизни, но, не имея сил поступить разумно – поскорее кончить обман и убить себя, чего-то как будто ждут. Это есть выход слабости, ибо если я знаю лучшее, и оно в моей власти, почему не отдаться лучшему?» [Цит. по: 3, с. 129], – как назвал Л. Н. Толстой выбор Левина и свой, на самом деле является выходом, то есть обладает духовной перспективой.

Выводы. Второй план поэтики в романе заставляет по-новому взглянуть на его «архитектонику» – на знаменитое толстовское утверждение о «внутреннем сцеплении мыслей» как основе сюжетно-композиционной целостности. В нашей работе выделен и проанализирован символический мотив круга, который формирует структуру романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Мотив круга представлен как система сужающихся кругов, их состав и функционирование образует второй план структуры романа.

Перспективы дальнейших исследований. Роман «Анна Каренина» был и остается одной из вершин русского классического реализма. Но усложнение в нем духовно-философской проблематики, необходимость взглянуть на хаос современности и порождаемого ею человека с точки зрения вечности привели к возникновению второго символического плана поэтики. Этот план не размывает реалистический метод художника, но пролагает пути к принципиально двухплановым текстам в литературе «рубежа веков» и начала XX столетия. Дальнейшее изучение внутритекстовых (структурных, внеличностных) и интертекстуальных мотивов второго романа Л. Н. Толстого – предмет будущих исследований в толстоведении.

Литература

1. Абаева Е. Эпизод смерти в романе «Анна Каренина» / Е. Абаева // Первое сентября. – 2001. – № 31. – С. 6–8.
2. Ветловская В. Е. Поэтика «Анны Карениной» (система неоднозначных мотивов) / В. Е. Ветловская // Русская литература. – 1979. – № 4. – С. 17–37.
3. Галаган Г. Я. Л. Н. Толстой. Художественно-эстетические искания : [монография] / Г. Я. Галаган. – Л. : Наука, 1981. – 174 с.
4. Карпенко А. И. Фольклорный мотив дороги в творчестве Н. В. Гоголя и Л. Н. Толстого / А. И. Карпенко // Филологические науки. – 1980. – № 1. – С. 17–23.

5. Поддубная Р. Н. О двуплановости поэтики романа Л. Толстого и Ф. Достоевского 1870-х годов / Р. Н. Поддубная // Вісник ХНУ. – Харків, 2004. – № 631 : Сер. Філологія. – Вип. 41. – С. 26–29.

6. Толстой Л. Н. Анна Каренина : Роман в восьми частях. Части 1–4 / Л. Н. Толстой. – М. : Художественная литература, 1987. – 448 с.

7. Толстой Л. Н. Анна Каренина: Роман в восьми частях. Части 5–8 / Л. Н. Толстой. – М. : Художественная литература, 1987. – 384 с.

Казаков И.

– кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русского языка и литературы Донбасского государственного педагогического университета

Аверина Л.

– учитель зарубежной литературы высшей категории, методист, директор общеобразовательной средней школы № 11 г. Славянска

УДК 821.161.1

**МОТИВ ВРЕМЕНИ И ОБРАЗ ЧАСОВ В ПЬЕСЕ А. ВВЕДЕНСКОГО
«ЕЛКА У ИВАНОВЫХ»**

В статье исследуется мотив времени и образ часов в абсурдистской пьесе А. Введенского «Елка у Ивановых». Часы здесь становятся центральным коррелятом времени и формируют особое представление о его природе и взаимоотношениях с человеком. Время у А. Введенского приобретает дискретный, онтологический и эсхатологический характер, оно становится хаотичным и автономным по отношению к людям.

Ключевые слова: абсурдизм, мотив времени, эсхатологические мотивы.

Казаков І.

– кандидат філологічних наук, завідувач кафедри російської мови та літератури Донбаського державного педагогічного університету

Аверина Л.

– учитель зарубіжної літератури вищої категорії, методист, директор загальноосвітньої середньої школи № 11 м. Слов'янська

**МОТИВ ЧАСУ Й ОБРАЗ ГОДИННИКА В П'ЄСІ О. ВВЕДЕНСЬКОГО
«ЯЛИНКА ІВАНОВИХ»**

У статті досліджено мотив часу та образ годинника в абсурдистській п'єсі О. Введенського «Ялинка Іванових». Годинник у творі є центральним корелятом часу й формує особливе уявлення про його природу й стосунки з людиною. Час у О. Введенського набуває дискретного, онтологічного й есхатологічного характеру, він стає хаотичним і автономним по відношенню до людей.

Ключові слова: абсурдизм, мотив часу, есхатологічні мотиви.

Kazakov I.

– Candidate of Science (Linguistics), Head of the Department of Russian Language and Literature of Donbas State Teachers' Training University